

скоти наши, и села наша, и имения за теми суть; а мы злых своих дел не останем. Пишетъ бо ся: богатство, неправдою събираемо, извеется. И паки: събираеть и не вестъ, кому събираеть я. И паки: луче малое правдѣнику паче богатства грешныхъ многа“.¹ Выход из созданнаго положения автор предисловия видит в той же теории общественного примирения, которую так настойчиво за 17—20 лет до появления Начального свода проводил „Изборник“ Святослава 1076 года. „Да отъселе, братие моя възлюбленая, — предлагает автор предисловия, — останемъся от несытства своего; нѣ довольни будете уроки вашими, никому же насилия творяще, милостыней оцветуше и страннолюбимъ, в страсе божи и правоверии свое съпасение съдевающе, да и съде добре поживем и тамо вечней жизни причастьници будем“.²

Как видим, автор Начального свода не настолько наивен, чтобы призывать возвращаться к давно изжитым старым порядкам, практиковавшимся при „древних князьях“. Он понимает, что к старому возврата нет, что новые общественные отношения так властно внедрились в жизнь, что отменить их невозможно. Но он считает вполне возможным смягчить эти отношения, поставить запросы князей и их мужей в определенные рамки, прекратить излишества в поборах и повинностях („несытство“). Это ему кажется особенно необходимым ввиду нависшей над Русской землей опасности извне, со стороны половцев, которые пользовались в своих целях внутренними неурядицами на Руси.

Предисловие к Начальному своду, как и весь Начальный свод в целом, было пронизано тревогой за судьбы Русской земли, но автор предисловия вовсе не видит спасения в аскетизме и бегстве от жизни. Наоборот, для спасения Родины он предлагает вмешаться в жизнь и перестроить ее. Лишен аскетических черт и „Изборник“ 1076 года. Здесь нет призывов к излишнему воздержанию или к убиению плоти. Это дело монахов, уединившихся от жизни, но характерно, что автор „Изборника“ предлагает хорошо принимать попов и монахов, кормить их как следует, удовлетворять другие их потребности. В представлении авторов „Изборника“, дома их почтенных читателей представляют собой полную чашу. Призывая к скромности и умеренности, расчетливости и патриархальным отношениям, авторы „Изборника“ далеки от проповеди аскетизма. Все это является лишним доказательством того, насколько не оправданы идеалистические представления о связи „упадка общественного настроения“ во второй половине XI века с „греческим аскетизмом“.

Вслед за предисловием к Начальному своду с теорией общественного примирения выступает „Поучение“ Владимира Мономаха.

Поучение Владимира Мономаха дошло до нас в единственном списке Лаврентьевской летописи под 1096 годом.³ Впервые „Поучение“ издал (с помощью И. Н. Болтина) в 1793 году известный собиратель русских древностей А. И. Мусин-Пушкин,⁴ которому принадлежал древнейший список Лаврентьевской летописи. Уже первые издатели „Поучения“ по достоинству оценили огромное значение этого памятника для истории русской культуры. В „Предуведомлении“ к изданию памятника „Поучению“ придается не только большое научное, но и полити-

¹ А. А. Шахматов, ук. соч., стр. 265.

² Там же.

³ Повесть временных лет, т. 1, стр. 153—167.

⁴ Духовная великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим, названная в летописи суздальской „Поученье“. СПб., 1793.